

18+

АВЕРЬЯНОВ
МАКСИМ

ЗОЛОТОЙ
ПЛЕН

18+

Максим Аверьянов

Золотой плен

«Автор»

2025

Аверьянов М.

Золотой плен / М. Аверьянов — «Автор», 2025

Хелен Картер продала душу мафии, чтобы спасти сестру. Её новым тюремщиком стал Макс Ванцетти — ледяной и беспощадный правая рука Дона Беллуччи. Он видит в Хелен лишь собственность и проблему. Она ненавидит его всем сердцем. Но в мире, где правят «Тени», грань между ненавистью и всепоглощающей страстью стирается. Чтобы выжить и спасти тех, кто дорог, Хелен придётся разжечь войну внутри клана и играть в смертельную игру с самым опасным человеком в городе, рискуя стать его следующей жертвой... или последней слабостью.

© Аверьянов М., 2025

© Автор, 2025

Максим Аверьянов

Золотой плен

Глава 1: Не для тебя

Дым сигар висел в воздухе особняка Беллуччи. Смех был слишком громким, глаза – слишком жадными. Хелен Картер ощущала себя экспонатом на аукционе: платье из шифона цвета ночи, купленное на деньги Теней, впивалось в кожу как наручники. Она держала серебряный поднос с хрустальными стаканами коньяка; руки не дрожали. Нельзя дрожать. Для Софи. Только для Софи.

– Эй, красотка! – Грубые пальцы с перстнем-печаткой сжали ее запястье. Виктор «Бульдозер» Морено, главарь южных банд, чей запах – дешёвый одеколон и угроза. – Ты здесь, чтобы скрашивать нам вечер, да? Выпей с нами. Его дыхание, горячее и пропитанное перегаром, обожгло щеку.

«Мразь». Мысль пронеслась ледяным осколком. Она попыталась отстраниться, но его хватка стала железной. Унижение поднялось комом в горле, смешалось с яростью. Стерпеть. Ради Софи. Стерпеть.

– Виктор, девушка работает, – пробурчал кто-то без особой убеждённости.

– Работает? Я покажу ей, как работать! – Морено засмеялся, потянув Хелен к себе. Его другая рука полезла к вырезу платья. Мир сжался до его налитых кровью глаз, тошнотворного смрада, до жгучего стыда. Она замерла, готовая ударить, крикнуть, плюнуть ему в лицо – и обречь отца и Софи.

И вдруг... Тишина. Не просто затишье. Абсолютная, леденящая тишина, упавшая на зал, как внезапный мороз. Смех оборвался на полуслове. Даже оркестр замолчал. Воздух сгустился, стал тяжёлым, электрическим. Хелен медленно подняла взгляд.

Он стоял в дверях. Смерть в дорогом костюме. Макс Ванцетти. Никакой спешки. Никакой театральности. Чёрный костюм сидел на нем как вторая кожа, подчёркивая мощь плеч, узость бёдер. Лицо – высеченное из мрамора, бесстрастное. Но глаза... О, боже, глаза. Тёмные, как бездонный колодец в полночь. В них не было гнева. Не было ничего. Только абсолютный, всепоглощающий холод. Холод, который прожигал кожу, останавливал сердце.

Он вошёл. Шаг был бесшумным, плавным, как у большого хищника, вышедшего на охоту. Гости расступились, как Красное море перед библейской карой. Даже Морено разжал пальцы. Хелен почувствовала, как её запястье онемело.

Макс шел прямо к ним. Его взгляд скользнул по Морено – бегло, без интереса, как на мусор. Затем остановился на Хелен. Этот взгляд... Он не смотрел на нее. Он сканировал. Проникал под кожу, под платье, прямо в душу, выискивая слабость, страх, трещину.

«Интересная внешность», – промелькнуло где-то в глубине его ледяного сознания. Страх был. О, да. Она чувствовала, как он сковывает её мышцы, леденит кровь. Но в её глазах, широко открытых, тёмно-синих, как океан перед ураганом, горело нечто большее. Ненависть. Голая, первобытная ненависть. И... вызов. Крошечная искра непокорности в кромешной тьме его мира. Что-то знакомое. Что-то, от чего давно уснувшее нечто в его груди слабо дрогнуло.

– Макс, – Морено попытался вернуть браваду, но голос дал трещину. – Просто развлекаемся с твоей официанткой...

Макс не удостоил его ответом. Он подошёл вплотную. Хелен ощутила исходящее от него тепло, смешанное с холодной опасностью. Запах – кожа, выдержанный виски, дым сигары и что-то неуловимое, дикое, первобытное. Опасность. Сердце бешено колотилось, пытаясь вырваться из груди.

Он протянул руку. Не к ней. К бокалу на ее подносе. Его пальцы, длинные, сильные, с безупречно чистыми ногтями, обхватили хрусталь. И... коснулись ее руки. Легко, мимолётно.

Искра. Не метафора. Настоящий электрический разряд пронзил её от точки касания до самых пяток. Мурашки побежали по спине. Дыхание перехватило. Она невольно вдохнула его запах – и почувствовала странный, предательский жар внизу живота. Нет! Не ему! Никогда ему! Но тело не слушалось. Она не могла оторвать взгляд от его рта – жёсткой, бескомпромиссной линии.

Он поднёс бокал к губам, не отрывая от неё глаз. Выпил. Поставил пустой бокал обратно на поднос. Все действие заняло секунды, но казалось вечностью.

– Она не для твоих развлечений, Виктор. – Голос Макса был низким, бархатным, но в нем звенела сталь. Он звучал тихо, но был слышен в каждом углу замершего зала. – Она здесь для Дона.

Морено залился краской. – Послушай, Макс, я просто...

– Ты заставляешь девушку нервничать, – перебил Макс. Его взгляд, наконец, перешел на Морено. Всего лишь взгляд. Но в нем была такая концентрация грозящей боли, такой леденящий душу приговор, что «Бульдозер» физически отшатнулся. – Я думаю, тебе пора. Охрана!

Два огромных человека в безупречных костюмах материализовались как из воздуха. Без слов, но с абсолютным пониманием.

– Выпроводите господина Морено. Он, кажется, устал.

Протесты Морено заглохли под железной хваткой охранников. Его увели быстро, почти бесшумно. Шоу закончилось. Но внимание было приковано не к двери. Оно было здесь, к этой точке вселенной, где стояли Макс Ванцетти и Хелен Картер.

Макс снова повернулся к ней. Его лицо было по-прежнему непроницаемым, но в глубине этих тёмных глаз что-то мерцало. Любопытство? Раздражение? Желание?

Он наклонился чуть ближе. Его шёпот, тёплый и колючий, коснулся её уха: – Теперь ты здесь для меня.

Её сердце бешено заколотилось, смешивая ужас с чем-то неистовым и незнакомым. Она подняла подбородок, встречая его взгляд. Дрожь всё ещё пробежала по телу, но в глазах горел тот самый непотушенный огонь.

– Я выполняю свою работу, синьор Ванцетти, – её голос звучал тише, чем хотелось, но не дрожал. – Как и вы свою.

В воздухе между ними треснуло напряжение. Пороховая бочка с фитилём. Холод против огня. Долг против ненависти. И та незримая, животная нить влечения, что уже опутала их обоих, густая и неотвратимая, как смог над ночным Манхэттеном. Игра началась. Ставка – жизни. А приз... приз был страшен и неотразим.

Глава 2: Хелен

Тишина в моей комнате особняка Беллуччи была громче любого крика. Воздух всё ещё вибрировал от ледяного прикосновения его пальцев. Я прислонилась к двери, закрыв глаза, пытаюсь загнать обратно дрожь, рвавшуюся наружу. Все ради Софи. Только ради Софи.

Но вместо холодного мрака за веками вспыхнуло солнце. Не настоящее, нью-йоркское, а то, что жило в нашей крошечной, забитой книгами и надеждами бруклинской квартирке. Солнце по имени Софи. Солнце, которое чуть не погасло.

Память. Два года назад: Триумф.

– Магистр! С отличием! – моя подруга Сара кинулась в объятия на ступенях Колумбийского университета. Весеннее солнце заливало светом неоготические шпили. Диплом журналистики лежал у меня в руках, тяжёлый и гладкий. Я чувствовала себя на вершине мира. Моя статья о коррупции в городском совете наделала шуму. Будущее рисовалось в ярких красках: разоблачение несправедливости, торжество правды. Я оглянулась, ища в толке папу и Софи. Они были там. Папа махал, глаза сияли чистой гордостью. Софи, шестнадцатилетняя, живая и яркая, прыгала на месте, её тёмные волосы развевались, огромные синие глаза смеялись. Она

кричала что-то, заглушаемое шумом толпы. Моя семья. Здесь, в нашем городе, на пороге всего самого светлого. Сердце распирало от любви и яростной надежды.

Память. Год и девять месяцев назад: Первая Тень.

Запах нашей бруклинской квартиры изменился. Резкий запах лекарств вытеснил аромат папиного кофе и пыли старых книг. А ещё появился новый, густой запах – страх. Это случилось внезапно. Синяки. Усталость, вечный упадок сил у Софи. Потом анализы. Коридоры больницы. Лица врачей. И слово: лейкоз. Острый лимфобластный лейкоз. Наше солнце начало гаснуть. Мир перевернулся. Вид из нашего окна на знакомые кирпичные фасады Бруклина вдруг стал чужим, угрожающим. – Хелен... я... – Папа сидел за кухонным столом, его руки сжимали первый из многих конвертов. Лицо было серым. – Страховка... покрывает базовое. Но это... экспериментальное... Цены... – Он провёл рукой по лицу. – Я не знаю, где взять... Надежда начала меркнуть перед холодным натиском реальности. Моя журналистика казалась беспомощной перед лицом катастрофы.

Память. Год назад: Отчаяние и Роковая Игра.

Запах страха в квартире стал гуще. К нему примешался запах вина. – Хелен... прости... – Папа сидел за столом, руки тряслись. Перед ним лежали документы с печатями коллекторов. И один листок с пугающе знакомой эмблемой. – Я... не видел выхода. Знакомый... Томми “Клюв”... он сказал, есть игра... высокие ставки... один хороший вечер – и все долги... – Он провёл рукой по лицу. Игра. Карты. Слово прозвучало как удар. Томми “Клюв”. Фигура из прошлого папы. Игра с Тенями. Людьми, о жестокости которых я мечтала писать. Сердце упало. – Сколько? – Голос звучал чужим. Цифра отняла дар речи. Неподъемно. Абсолютно. – Они... дали срок, – прошептал папа, слезы катились по щекам. – Томми говорит... не шутят. Если не отдам... Знают про Софи... про нас... про квартиру... Его глаза говорили все: он проиграл. Нашу жизнь. Мир сузился. Солнце Софи гасло. Будущее рассыпалось. Осталось осознание: Нет выбора. Только цена.

Память. Шесть месяцев назад: Продажа.

Пыльный задний кабинет автомастерской где-то на окраине. Воздух пропитан маслом и страхом. За столом – Лука Греко. Финансы Теней. Рядом – “Клюв”. – Картер, – Греко вертел сигару. – Твой отец... создал неудобство. Долг. Терпение кончилось. – Нет таких денег, – сказала я. Голос держался. Ради Софи. – Знаем. Учитывая, что Томми тебя знает с детства, предлагаем... решение. Твой отец... обесценился. Ты... – Взгляд скользнул по мне, оценивающе, – ...имеешь ценность. Интеллектуальную. И... визуальную. – Он кивнул на диплом, лежавший у меня в сумке – я принесла его как последний амулет. – Добавляет солидности. – Твоя задача – обслуживать приёмы. Быть личной помощницей Дона. Пять лет. В обмен – долг списан. Софи – клиника в Швейцарии. Лечение. Гарантированно. – А если откажусь? Греко усмехнулся беззвучно. – Сестренка... медицина дорогая. Больницы не любят проблем. Ну и отец... – Он выпустил дым. – ...уже не жилец. Выбирай. Гордость или жизнь сестры и отца. Выбор? Между смертью отца и смертью Софи? Или адом для себя? Я подписала. Дрожащей рукой. Продала себя. За солнце Софи. За слово «гарантированно».

Память. Три месяца назад: Шанс.

Редкие выходные. Проверить пустую квартиру в Бруклине. Собрать вещи Софи. Я шла по знакомым улицам, чувствуя себя призраком. Воздух Бруклина, запах выпечки с угловой пекарни, гул моста – все казалось острым и чужим. Заметила его. Мужчина. Не похож на бандита. Тёмная куртка, усталое лицо. Но что-то... Внутри сжалось. Опасность? Свернула в переулок, зашла в магазин. Он последовал. Нагнал у выхода. – Мисс Картер? Хелен Картер? – Голос спокойный, профессиональный. Кровь отхлынула. Конец. Софи... – Я вас не знаю. Он преградил путь, показал корочку. – Детектив Рей Маркос. Поговорим? О Беллуччи. Полиция. Сердце колотилось. Если узнают... – Ошиблись. – Знаю об отце. О картах. О долге. О Софи. – Его глаза были усталыми, но понимающими. – Знаю, втянули силой. Могу помочь. Вытащить. –

Помочь? Арестовать? Тогда убьют отца, Софи умрёт без лечения! Отстаньте! – Информация, – наклонился он, понизив голос. – То, что видите, слышите. Контекст. Ничего прямого. Замена... защита. Вам. Семье. Когда рухнут. И Софи... – Взгляд стал жёстче. – ...лечение гарантированно продолжится. За государственный счёт. Гарантированно. Гарантированно. Слово грянуло как гром. Гарантия. Не купленная рабством. Он сунул в руку смятый клочок. Только номер. – Подумай. Ты решаешь. Номер врезался в память. Как татуировка. Как огонёк в тьме. В долгие ночи я шептала: Рей Маркос. Гарантированно. Шанс.

Настоящее.

Я открыла глаза. Комната в особняке была тихой как склеп. Рассвет серел за крошечным окном. Где-то был папа. Где-то боролась Софи. Где-то ждал детектив. А здесь... здесь была я. В шелковом плену. С лицом манекенщицы и огнём внутри. И с его словами в воздухе: «Теперь ты здесь для меня». Нет. Я здесь для Софи. Все остальное – шум. Я выстою. Найду выход. Я уже не та девчонка, что верила в справедливость. Я – та, что выживает. Ради Софи. Ради слова «гарантированно».

Тук-тук-тук. Резкий, нетерпеливый стук в дверь – не привычные осторожные шаги. Прежде чем я успела надеть маску, дверь распахнулась. На пороге стоял Макс. Он окинул меня беглым, оценивающим взглядом, в котором не было ни капли интереса – только деловая необходимость. – Собирай вещи, – бросил он коротко, без предисловий, голос грубый и лишенный интонаций. – Только необходимое. Один чемодан.

Я замерла, сердце бешено застучало. Куда? Зачем? Софи... Но спросить не посмела. Вопросы могли стоить дорого. Макс, казалось, прочитал мой страх. Уголок его тонких губ дрогнул в подобии презрительной усмешки. – Не мешкай. Вечером выезжаем. Хозяин распорядился. – Он повернулся, чтобы уйти, но на пороге остановился, бросив через плечо: – Будь готова к восьми. Не опаздывай.

Дверь захлопнулась с глухим стуком, оставив меня одну в гулкой тишине. Слова «вечером выезжаем» висели в воздухе, холодные и неумолимые. Куда? Надолго ли? Что это значит для Софи? Гарантии... рушатся? Я глубоко вдохнула, пытаюсь подавить панику. Ради Софи. Только ради Софи. Даже если мир снова рухнет. Даже если неизвестность страшнее привычного ада. Времени не было. Надо было собирать вещи. И надеяться.

Глава 3: Золотая клетка

Пентхаус Макса Ванцетти парил над ночным Манхэттенем, как орлиное гнездо над пропастью. Стеклопанные стены от пола до потолка открывали панораму миллиардов огней – ослепительную, холодную, бесконечно далёкую. Роскошь здесь была такой же безжалостной, как и её хозяин: минимализм, выверенный до миллиметра, холодный мрамор, сталь, кожа редких оттенков серого и чёрного. Ничего лишнего. Ничего тёплого. Казалось, даже воздух был стерилен и разрезан.

Хелен стояла посреди этой огромной, пугающей пустоты. Чужое платье все еще впивалось в кожу, напоминая о вечере. О его пальцах на её руке. О его шепоте: *Теперь ты здесь для меня*. Дрожь, которую она подавляла в зале, наконец накрыла волной. Она обхватила себя руками, пытаясь согреться, но холод шёл изнутри. Из самой глубины, где жил страх за Софи, за отца, за себя.

Макс сбросил пиджак на низкий диван из чёрной кожи. Под ним – безупречно белая рубашка, подчеркивавшая ширину плеч, линию мощной спины. Он не смотрел на неё сразу. Подошёл к барной стойке из чёрного оникса, налил янтарного виски в тяжёлый хрустальный бокал. Звук льда, звенящего о стекло, был громким в тишине.

– Комната там, – кивнул он длинным, сильным пальцем в сторону коридора, не поворачиваясь. Голос был ровным, лишённым интонаций. – Одежда в шкафу. Не пытайся открыть балкон. Система безопасности стреляет на поражение.

Хелен вздрогнула. Не от угрозы, а от леденящей обыденности тона. Как будто он говорил о погоде. Как будто не привёз её сюда против воли после того, как публично объявил её своей собственностью.

– Я... я должна вернуться, – её голос прозвучал хрипло. Она заставила себя выпрямиться, встретить его взгляд, когда он наконец повернулся. – Мне нужно проверить... Моего отца. Мою сестру. Дона Беллуччи...

– Дон знает, где ты, – перебил он. Сделал глоток, изучая её через край бокала. Его взгляд был все тем же: сканирующим, оценивающим, лишённым тепла. Но теперь, в этой интимной тишине, он казался ещё более проникающим. Видел ли он следы слез? Видел ли, как она дрожит? Видел ли ненависть, которая все ещё тлела в глубине её глаз? – Они под охраной. Твоя работа сейчас – оставаться живой и не доставлять мне проблем.

Живой. Слово повисло в воздухе, тяжёлое и зловещее. Напоминание о том, что случилось с Морено? Или о том, что может случиться с ней, если она выйдет за пределы этой стеклянной тюрьмы?

– Я не просила тебя меня спасти! – вырвалось у неё прежде, чем она успела подумать. Гнев, смешанный с беспомощностью, прорвал плотину страха. – Я не просила быть твоей... твоей проблемой!

Он медленно поставил бокал. Не спеша подошел ближе. Шаги были бесшумными по холодному мрамору. Каждый шаг заставлял её сердце биться чаще, сжимая грудную клетку. Он остановился в шаге от нее. Слишком близко. Снова этот запах – кожа, виски, что-то неуловимо металлическое и опасное. Он заполнил пространство, отнял воздух.

– Ты стала моей проблемой, Хелен Картер, – произнёс он тихо. Его голос был бархатом, обёрнутым сталью. Он не кричал. Не угрожал явно. Но каждое слово било сильнее крика. – В тот момент, когда не опустила глаз. Когда позволила Морено дотронуться до тебя, чтобы не нарушить работу. Когда посмотрела на меня так, будто видишь монстра, но не отводишь взгляда. – Он наклонился чуть ниже. Его дыхание коснулось её лба. – Твоя глупость, твоя упрямая преданность долгу перед семьей, твои глаза... Они сделали тебя моей проблемой. И теперь я разбираюсь со своими проблемами сам. Ты поняла?

Она поняла. Поняла, что попала в ловушку гораздо более изощрённую, чем долг отца. Ловушку из его внимания, его одержимости, его ледяного, непостижимого интереса. И это было страшнее любой угрозы Бульдозера Морено.

– Я поняла, что ты тиран, который играет в бога, – выдохнула она, глядя ему прямо в глаза, несмотря на дрожь в коленях. – И что эта золотая клетка ничем не лучше подвала.

Что-то мелькнуло в его тёмных глазах. Микроскопическая трещина в ледяной маске. Не гнев. Не раздражение. Что-то почти... заинтересованное. Как будто ее непокорность была не оскорблением, а... вызовом, на который он невольно откликнулся.

– Умно, – произнёс он наконец, отступая на полшага. Разряжая напряжение, которое грозило разорвать пространство между ними. – Но глупо. Ложись спать. Завтра будет не легче.

Он повернулся и направился к своему кабинету – ещё одной бездушной стеклянной коробке с видом на город. Дверь закрылась за ним беззвучно.

Хелен осталась одна посреди огромного, холодного пространства. Город мерцал внизу, обещая свободу, которая была теперь так же недосыгаема, как звезды. Она подошла к стеклу, прислонилась лбом к прохладной поверхности. *Софи... Папа...*

Слезы наконец потекли по щекам, тихие и горькие. Она была заложницей. Запертой в роскошной клетке самым опасным хищником города. И единственное оружие – ее ум и ненависть – казалось таким ничтожным против его власти, его хладнокровия, его... притягательности, которая пугала её больше всего. Потому что в самый неподходящий момент, когда он стоял так близко, когда его запах заполнял лёгкие, кроме страха и гнева, в ней пробуждалось

что-то иное. Что-то тёмное, тёплое и предательское. Желание, которое она ненавидела почти так же сильно, как и его.

«Моя проблема», – эхом звучали его слова в её голове. «Только моя». Они звучали как приговор. И как странная, извращённая клятва.

Она отошла от окна, почувствовав, как по спине пробежали мурашки. Не от холода. От ощущения, что за ней наблюдают. Она медленно обернулась. *Камеры*. Они были повсюду. Маленькие, чёрные, невидимые точки в потолке, в стенах. Он наблюдал. Всегда. Даже сейчас.

Её губы сжались в тонкую, решительную линию. Страх отступил, уступив место ярости и холодной решимости. *Хорошо, Макс Ванцетти*, — подумала она, стирая слезы. – *Ты хочешь проблему? Ты её получишь.*

Она прошла в указанную им комнату. Такая же минималистичная, безличная, как и все остальное. Шкаф был заполнен дорогой одеждой её размера – платья, брюки, белье. Все новое, все с бирками. Все куплено им. Очередное напоминание о её положении – красивой вещицы в его коллекции. Среди вещей были откровенные, подчёркивающие роль «приобретения», но она старалась не обращать внимания.

На столе стоял старый, но мощный ноутбук. Хелен подошла к нему, но внезапно дверь распахнулась.

Макс стоял на пороге. Он был без пиджака, рукава рубашки закатаны до локтей, обнажая сильные предплечья и тёмные татуировки – абстрактные узоры, сливающиеся со шрамами. В руке он все ещё держал бокал с виски. Его взгляд скользнул по ней.

– Не спишь? – спросил он нейтрально.

– Не могу, – ответила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Этот вид... он давит.

Он вошел в комнату. Прошёл медленным шагом, его взгляд скользил по стенам, по кровати, по ней. Как будто проверял периметр. Как будто искал следы взлома в её душе.

– Привыкнешь, – сказал он наконец, останавливаясь перед ней. – Или нет. Но это не имеет значения.

Он поднял руку. Не для того, чтобы ударить. Просто... протянул её, как будто собирался коснуться её щеки, смахнуть несуществующую слезу или прядь волос. Хелен замерла, затаив дыхание. Сердце бешено колотилось где-то в горле. Гнев, страх и то самое предательское тепло смешались в ядовитый коктейль.

Но он не дотронулся. Его рука остановилась в сантиметре от её кожи. Его пальцы, казалось, чувствовали исходящее от неё тепло, её дрожь. Он смотрел на нее. В его глазах читалась какая-то сложная, невыразимая борьба. Желание? Любопытство? Желание сломать? Или... что-то ещё?

– Не провоцируй меня, Хелен, – прошептал он так тихо, что слова почти утонули в тишине. Но каждое из них вонзилось в неё как нож. – Ты не знаешь, на что я способен, когда мне что-то... принадлежит.

Он опустил руку. Сделал глоток виски. Повернулся и вышел, оставив дверь открытой. Намек? Испытание?

Хелен стояла неподвижно, пока звук его шагов не затих в гостиной. Только тогда она позволила себе вздохнуть. Глубоко, содрогаясь. Его слова висели в воздухе: «*Не провоцируй меня*». Это была угроза. Но в ней слышалось и нечто иное. Почти... предупреждение. Предостережение от самого монстра.

И это пугало её больше всего. Потому что заставляло задуматься: что же скрывается за этой ледяной маской? И что случится, если она действительно спровоцирует того, кто жил по ту сторону льда?

Она подошла к двери, собираясь закрыть её, создать хоть какую-то иллюзию барьера. И в этот момент до неё донеслись приглушённые голоса из гостиной. Голос Макса, низкий и жёст-

кий. И другой голос – холодный, как скала, знакомый по редким появлениям на мероприятиях Теней. Голос Дона Калвино «Тени» Беллуччи.

– ...слишком много внимания, Максимилиан, – доносилось сквозь приоткрытую дверь. – Эта девчонка... инструмент. Не игрушка для твоих... сантиментов. Помни, что случилось с последней твоей слабостью.

Хелен застыла, вцепившись в дверной косяк. Кровь отхлынула от лица.

– Она не слабость, Дон, – ответил Макс, его голос звучал ровно, но в нем была сталь. – Она моя ответственность. После инцидента с Морено...

– Морено был свиньёй, и ты правильно сделал, что убрал его, – перебил Дон. Его голос стал ещё холоднее. – Но не позволяй ответственности перерасти во что-то большее. Мы очищаем старые счета. Помнишь ту историю пять лет назад? С перестрелкой на складе? Наши друзья из полиции снова начали копать. Нужно убедиться, что все следы стёрты. Навсегда. Особенно те, что могут привести к нам. Ты понимаешь?

Тишина. Густая, зловещая. Хелен едва дышала.

– Я понимаю, Дон, – наконец произнес Макс. Его голос был абсолютно бесстрастным. – Я позабочусь.

– Хорошо. И... Макс... – Голос Дона смягчился, став почти отеческим, что звучало в тысячу раз страшнее. – Не разочаруй меня. Как тогда. Помнишь? Мы тогда все уладили. Чисто. Не создавай новых проблем. Особенно из-за какой-то... прислуги.

Связь прервалась. В гостиной воцарилась мёртвая тишина.

Хелен медленно, бесшумно прикрыла дверь. Она прислонилась к ней спиной, пытаясь осмыслить услышанное. *Старые счета. Перестрелка пять лет назад. Следы, которые нужно стереть. Особенно те, что могут привести к ним?* Слова Дона, его намек на «последнюю слабость» Макса и эту «историю»... Они складывались в ужасающую картину.

И Макс... Макс сказал: *Я позабочусь.*

Холодный ужас сковал её.

Она была не просто пленницей в золотой клетке. Она оказалась в самом эпицентре смертоносной бури. И буря эта носила имя Макса Ванцетти. Буря, которая могла ее уничтожить. Или... если она успеет... стать её единственным шансом.

За стеклянной стеной Нью-Йорк продолжал сиять холодными огнями. Огнями, за которыми скрывалась тьма. И где-то в этой тьме, возможно, уже шёл за ней охотник. По приказу Дона. Или по приказу её собственного, смертельно опасного тюремщика.

Глава 4: Тридцать секунд до ада

Три дня в стеклянной клетке. Три дня под прицелом невидимых камер. Три дня балансирования на лезвии ножа между ненавистью и предательским влечением, разъедавшим Хелен изнутри каждый раз, когда Макс появлялся в поле зрения.

Он был вездесущ и неуловим. Появлялся беззвучно – за завтраком из изысканных, но безвкусных блюд, которые приносил безликий человек в чёрном; вечером, когда она сидела у окна, уставившись на огни города, и ощущала его взгляд на спине – тяжёлый, изучающий. Он почти не разговаривал. Иногда бросал короткие, леденящие фразы: «Не подходи к восточному окну». «Еда в холодильнике». «Ты сегодня бледна». Последнее прозвучало почти как забота, но в его устах было констатацией факта, как наблюдение за погодой.

Хелен жила в состоянии перманентной готовности. К чему? Она не знала. К приказу Дона? К тому, что Макс наконец войдёт в её комнату и потребует то, что, по его мнению, принадлежит ему?

На четвёртый день тишину разорвал звонок домофона. Не обычный сигнал – резкий, тревожный, вой сирены. Хелен вздрогнула, отпрыгнув от окна. Из кабинета Макса донесся его голос, резкий, командный: «Говори!»

Приглушённый голос в трубке что-то эмоционально выговаривал. Хелен не разобрала слов, но услышала напряжение, граничащее с паникой. Дверь кабинета распахнулась. Макс вышел. В чёрной водолазке и тактических брюках, лицо – маска ледяной концентрации. В руке он держал компактный пистолет, исчезнувший в кобуре у пояса так же быстро, как появился.

– В подвал. Сейчас. – Приказ прозвучал как выстрел. Он даже не взглянул на неё, его внимание было приковано к панели управления системой безопасности, вспыхнувшей красными огоньками у входа. – Через тридцать секунд здесь будет ад.

Холодный ужас сковал её. *Подвал*. Не его роскошная тюрьма, а настоящий подвал. То место, куда исчезали люди. Она не двигалась, парализованная.

– ХЕЛЕН! – Его рык сотряс воздух. Он повернулся, и в глазах горел нечеловеческий огонь – смесь ярости и... страха? – Двигайся! Или я протащу тебя туда по полу!

Это заставило её сорваться с места. Она бросилась к указанной двери – не лифту, а тяжёлой стальной двери, скрытой в стене за баром. Макс нажал код, дверь со скрежетом отъехала, открывая узкую бетонную лестницу, ведущую вниз, в крошечную тьму. Запах сырости и пыли ударил в нос.

– Вниз! Беги! – Он буквально втолкнул её в проем. – Не останавливайся! Дверь в конце!

Она спотыкалась на ступенях, цепляясь за холодные стены, сердце вырывалось из груди. Сверху донёлся грохот – не взрыв, а звук выбиваемой двери. Крики. Резкие, отрывистые хлопки выстрелов. *Они здесь. Уже здесь.*

Хелен добежала до нижней площадки. Перед ней была еще одна стальная дверь. Она рванула ручку – заперто. Паника сжала горло. Она оглянулась вверх по лестнице. Там мелькали тени, слышались глухие удары, хрипы, ещё выстрелы – теперь громче, ближе. И голос Макса, рычавший что-то по-итальянски, короткое и смертоносное.

Вдруг над её головой раздался оглушительный рёв. Нечеловеческий. Звериный. От боли или ярости – она не знала. И тут же – тяжёлые шаги, сбегающие вниз по лестнице. Несколько пар. Быстро. Очень быстро.

Она прижалась к холодной двери, зажмурилась. *Софи... прости...*

Шаги остановились в паре метров. Тишина. Пахло порохом, потом и... кровью. Она открыла глаза.

Макс стоял перед ней. Его чёрная водолазка была тёмной и мокрой на левом плече и рукаве – кровь. Лицо забрызгано тёмными каплями, одна стекала по скуле. Дыхание прерывистое, но ровное. В глазах горел адский свет – холодный, расчётливый, безумно опасный. За его спиной на ступенях лежали две неподвижные фигуры в чёрном. Третья, корчась, хваталась за окровавленную ногу.

– Открой дверь, – прошипел Макс, не глядя на неё, пистолет направлен на раненого. – Код 7-4-9-0. Быстро!

Пальцы дрожали, но она набрала цифры. Замок щелкнул. Макс отшвырнул раненого в сторону так, что тот с хрустом ударился о стену и затих. Он схватил Хелен за руку выше локтя – пальцы впились в плоть как стальные тиски, больно – и втолкнул её в тёмный подвал, захлопнув дверь за собой. Звук тяжёлого засова прозвучал как приговор.

Темнота была абсолютной. Густая, давящая. Хелен слышала только своё прерывистое дыхание и его – чуть чаще обычного, с хрипотцой. Запах крови стал резче, смешиваясь с запахом его пота и пыли.

– Ты... ты ранен, – прошептала она, голос сорвался.

– Пустяк, – отрезал он. Его рука все ещё сжимала её руку. Она чувствовала липкую теплоту крови на своей коже. Он отпустил её, и она услышала, как он шарит в темноте. Щелчок – и тусклый луч фонарика выхватил из мрака небольшое бетонное помещение. Стеллажи с ящиками, бочки. И Макса. Его лицо в свете фонаря было похоже на маску демона – бледное

под кровью, глаза – две угольные ямы. Он направил луч на своё плечо. Тёмное пятно расплывалось по ткани. Пуля лишь задела, но рана была глубокой, кровь сочилась обильно.

Он молча снял водолазку, движения резкие, но точные. Под ней – черная майка, тоже пропитанная кровью. Мышцы плеча и спины играли под кожей, переплетённые шрамами и татуировками. Он достал из кобуры на лодыжке складной нож, открыл его зубами.

– Держи свет. Сюда, – приказал он, указывая фонариком на рану. Голос был хриплым, но твёрдым. – Не смотри, если боишься.

Хелен машинально направила луч. Она боялась. Боялась его, темноты, людей за дверью. Но больше всего – этого зрелища: его обнажённой силы, искажённой болью, и раны, которую он собирался обработать ножом. Она отвела взгляд, но краем зрения видела, как он подносит лезвие к краю раны, чтобы расширить её и выковырять застрявший кусок ткани или пули. Слышала его резкий вдох, сдерживаемый стон. Чувствовала мурашки от ужаса и... дикого, первобытного восхищения его выносливостью.

Он работал быстро, жестоко по отношению к себе. Вытащил что-то тёмное, швырнул на пол. Затем достал из кармана маленькую плоскую фляжку. Виски? Он плеснул содержимое прямо на рану. Тело напряглось дугой, мышцы на животе и спине очертились как канаты. Он издал звук, похожий на рычание зверя, загнанного в угол. Хелен невольно вскрикнула от сочувствия, прорвавшегося сквозь страх.

Он тяжело дышал, опершись лбом о холодную бетонную стену. Пот стекал по вискам, смешиваясь с кровью. Затем порылся в другом кармане, достал индивидуальный перевязочный пакет. Руки дрожали, но он развернул его и начал накладывать на рану, затягивая бинт зубами, чтобы зафиксировать. Это выглядело ужасающе и гипнотизирующе – сила воли против плоти и крови.

– Почему? – сорвалось у Хелен, когда он закончил, прислонившись к стене и закрыв глаза. Фонарь выхватывал его профиль – резкий, измождённый, в грязи и крови. – Почему не оставил меня там? Им нужна была я. Ты мог бы... обменять.

Он медленно открыл глаза. В тусклом свете они казались абсолютно чёрными, бездонными.

– Они пришли не за тобой, – голос был хриплым от боли. – Они пришли через тебя. Ко мне. Чтобы показать, что могут дотянуться. До меня. До Дона. Ты была приманкой. Дверью. – Он сделал болезненный вдох. – И я не отдаю то, что моё. Никому. Особенно таким шакалам.

То, что моё. Слова обожгли. Не как комплимент. Как клеймо. Как ошейник.

– Я не твоя собственность! – вырвалось у неё, голос дрожал от страха, гнева, шока.

Он резко выпрямился, оттолкнувшись от стены. Шагнул к ней. Фонарь выпал у неё из рук, упал на пол, светя в сторону, выхватывая их ноги в пыли. Он оказался в сантиметре. Она чувствовала исходящее от него тепло, запах крови, пота, пороха и его – дикий, опасный. Дыхание обжигало лицо.

– Ты стала моей с того момента, как не опустила глаз перед Морено! – прошипел он. Рука впилась ей в волосы у затылка, не больно, но неотвратно, притягивая ее лицо к своему. – Моей проблемой. Моей ответственностью. Моей. И я разбираюсь со своими проблемами сам. Я их защищаю. Я их уничтожаю. Я их держу. – Взгляд пылал, сканируя ее лицо, пересохшие губы, широко открытые глаза, полные ужаса и... чего-то ещё. Чего-то, что сводило его с ума. – Ты поняла это сейчас? Когда они ворвались? Когда стреляли? Когда я тащил тебя в эту дыру? Ты моя, Хелен Картер. Только моя. И пока я жив, никто не возьмёт тебя. Никто не тронет. Никто не убьёт. Только я.

Его слова висели в воздухе – страшные, властные, неоспоримые. Клятва монстра. И в ней, сквозь жестокость и одержимость, пробивалось что-то вроде... обета. Обета, выкованного в крови и темноте.

Он не поцеловал её. Он взял её губы. Грубо. Жестко. Без просьбы, без нежности. Его рот был горячим и солённым от крови и пота. Рука в её волосах держала крепко, не давая отстраниться. Другая рука обвила талию, прижимая к себе так сильно, что она почувствовала каждую мышцу его живота, жёсткость кобуры на бедре, липкость его раны через тонкую ткань платья. Это не было любовью. Это было обладанием. Маркировкой территории. Взрывом накопившегося напряжения – ярости, адреналина, боли и тёмного влечения, висевшего между ними с первого взгляда.

Хелен замерла на мгновение, парализованная шоком. Затем в ней что-то взорвалось. Ярость. Отчаяние. И предательская, всепоглощающая волна желания. Она не ответила на поцелуй. Она укусила его за губу. Резко, до крови.

Он рыкнул – не от боли, а от ярости и азарта. Он оторвался, глаза пылали в полумраке. На его губе выступила капля крови, тёмная в свете фонаря.

– Дикая кошка, – прошипел он, и в голосе слышалось что-то похожее на одобрение. Он снова притянул её, но теперь его поцелуй был другим. Все еще властным, требовательным, но с примесью исследующего, почти... жаждущего. Его язык вторгся в её рот, заставляя задышаться. Рука соскользнула с талии вниз, сжимая ягодицу сквозь ткань платья, прижимая её бедра к его набухшей, жёсткой плоти, скрытой брюками. Жар волной накрыл её, смешавшись со страхом. Она издала стон – протеста или удовольствия, сама не зная. Руки, сжатые между их телами, упёрлись в его грудь. Она хотела оттолкнуть, но пальцы впились в твёрдые мышцы, чувствуя бешеный стук сердца.

Он оторвался от её губ, дыхание горячее и прерывистое на её шее. Зубы коснулись чувствительной кожи у ключицы, не кусая, а пробуя на вкус. Она вздрогнула, мурашки побежали по телу. Его рука под платьем нашла бедро, грубые пальцы впились в нежную кожу.

– Ты дрожишь, – От страха? Или от этого?

Он провёл пальцем по внутренней стороне бедра, выше, к самому краю трусиков. Хелен вскрикнула, тело выгнулось само по себе, прижимаясь к нему, ища больше огня, боли, невыносимого натяжения. Стыд и желание боролись в ней.

– Ненавижу тебя, – выдохнула она, но в голосе не было силы, только хриплое признание слабости.

– Знаю, – его губы скользнули к уху, язык коснулся мочки. Она затрепетала. – И это только подливает масла в огонь, Солнышко.

Его палец нажал туда, где тонкая ткань скрывала её влажность. Она застонала, голова откинулась назад, упираясь в бетонную стену. Мир сузился до его прикосновений, его запаха, тяжёлого дыхания, боли в его плече, которая, казалось, только подстёгивала его. Он собирался взять её. Здесь. Сейчас. В этой грязной подвальной дыре, пахнущей кровью и смертью. И её тело горело в ответ.

Внезапно сверху донёсся грохот. Не выстрел. Тяжёлый удар по стальной двери. Затем еще один. И голос, знакомый, ледяной: «Макс! Открывай! Чисто!»

Голос Дона Беллуччи.

Как по волшебству, все напряжение разрядилось. Макс замер. Тело окаменело. Жар в глазах погас, сменившись привычной ледяной ясностью. Он отстранился от неё так резко, будто её кожа обжигала. Рука выскользнула из-под платья. Он не смотрел на нее. Взгляд прикован к двери. На лице – ни тени того, что произошло секунду назад. Только холодная маска правой руки Дона.

Хелен сползла по стене, едва удерживаясь на ногах. Дрожь охватила ее с новой силой. Не от желания. От шока. От стыда. От осознания, как близко она была к тому, чтобы сдать монстру.

Макс поднял фонарь, направил луч на дверь. Шагнул к ней, движения скованные, но полные опасной грации. Отодвинул тяжёлый засов.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Дон Калвино “Тень” Беллуччи. Безупречный тёмный костюм, лицо – маска каменного спокойствия. За его спиной – четверо вооружённых людей, их фонари выхватывали кровавый хаос на лестнице и бледное, растерянное лицо Хелен в глубине подвала. Взгляд Дона скользнул по Максусу, по окровавленному плечу, по перекошенной от шока Хелен. В глазах не было ни заботы, ни гнева. Только холодная оценка. И... удовлетворение?

– Жив, – констатировал Дон. Взгляд остановился на Хелен. – И твоя... проблема. Цела. Повезло, Максимилиан. Очень повезло. – Он сделал шаг внутрь, глаза сузились, заметив следы борьбы, близости, страха и желания на их лицах, одеждах. – Но удача – штука ненадежная. Особенно когда она связана со слабостями. Убери её отсюда. И займись собой. Мы поговорим позже. О шакалах... и о том, как не дать им снова учуять слабинку.

Дон развернулся и вышел, его люди последовали за ним, оставив дверь открытой. В подвале снова остались они двое. Свет фонарей с лестницы выхватывал пыль и пропасть между ними, внезапно ставшую непреодолимой.

Макс не смотрел на Хелен. Он поднял фонарь, направил луч на выход.

– Идём, – сказал он, голос был пустым, как эхо в гробнице. – Твой золотой плен ждёт.

Он не прикоснулся к ней. Не предложил помощь. Просто пошёл вверх по лестнице, шагая через тела, не оглядываясь. Хелен последовала за ним, машинально, ноги подкашивались. Наверху, в разрушенной гостиной пентхауса, царил хаос: развороченная мебель, осколки стекла, тёмные пятна на ковре, запах пороха и железа.

Хелен старалась не смотреть на тела, взгляд скользил по разрухе, цепляясь за детали, ища точку опоры. Она наткнулась на опрокинутый барный стул. Под ним валялся разбитый графин. Потом ее взгляд перенесся на диван. Из-под края разорванной обивки, рядом с которым лежало тело одного из нападавших, выглядывал уголок чего-то тёмного, кожистого. Почти незаметный. Как будто выбитый наружу при падении. На нем не было видно букв, только смутный рельеф и... тёмное, влажное пятно, которое могло быть коньяком или чем-то более зловещим.

Ледяной щипок пронзил Хелен где-то ниже сердца. Не узнавание, а смутная, иррациональная догадка. Что-то в этом спрятанном предмете кричало ей: *важно!* Форма, напоминавшая старомодный дневник? Инстинкт выживания, ищущий козыря против Макса?

Макс стоял у разбитого окна, спиной к ней, его фигура в полумраке, с перевязанным плечом, казалась высеченной из мрамора холодной ярости. Он смотрел на город. Он не видел этот уголок кожи. Его мысли были там, в темноте.

Хелен замерла на мгновение. Это не было сознательным решением украсть. Это был порыв, инстинкт загнанного зверя, хватающегося за соломинку. Она сделала шаг, притворяясь, что спотыкается о неровность ковра, и рухнула на колени возле угла дивана. Рука, будто ища опоры, судорожно вцепилась в порванную обивку. Пальцы нащупали гладкую кожу под ней. Она рванула – не предмет на себя, а кусок порванной ткани поверх него, прикрывая его ещё больше. В том же движении, под прикрытием складок собственного окровавленного платья и тени, она судорожно впихнула предмет в глубокий уцелевший карман.

Сердце бешено колотилось. Она поднялась, пошатываясь, стараясь не смотреть в ту сторону. Макс обернулся. Его взгляд, ледяной и оценивающий, скользнул по ней, по испачканному платью, по лицу, на котором она пыталась изобразить только шок и истощение. Он ничего не заметил. Его мир сейчас состоял из угроз, власти и только что проявленной “слабости”. Ключок кожи под диваном не имел значения.

Хелен последовала в сторону спальни, рука в кармане сжимала предмет с безумной силой. Только когда дверь за ней закрылась, и она осталась одна в тишине полуразрушенной комнаты, она осмелилась вытащить его.

Это был дневник. Старый, кожаный, с потёртым тиснением на обложке. Буквы, полустёртые временем и тёмным пятном (она не хотела думать, чем), все же читались: *Лиана*.

Ледяная волна накрыла её с головой. Он был здесь. В логове Макса. Запрятан. В обивке дивана? В потайном отделении, разрушенном перестрелкой? Кем? Зачем? И главное – знал ли Макс? Его реакция, его невнимание... казалось, нет. Но мог ли он не знать, что в его доме спрятано это? Дневник женщины, чья судьба – загадка?

Хелен сжала дневник так, что костяшки пальцев побелели. Кровь Макса была на её плече. Теперь дневник Лианы – в её руках. Мир рушился не просто на обломки мебели, а на осколки чудовищной тайны. Страх смешивался с яростью и жгучим, опасным любопытством. Этот кожаный переплёт был не просто шансом. Он был ключом. К прошлому Макса, к его слабостям, к его боли. И, возможно, единственным оружием против него. Оружием, вырванным у самого сердца его крепости, о существовании которого он, возможно, не подозревал.

Глава 5: Знакомый Изгиб

Тишина после перестрелки была не пустотой, а гулким давлением, впивающимся в виски. Хелен стояла, прижавшись спиной к двери, липкие пальцы сжимая потёртый кожаный переплёт дневника. Запах старины, сладковатых духов и... крови – ее крови? Его крови? – висел в воздухе, смешиваясь с пороховой гарью. Он взял. Как вещь. Мысль спровоцировала волну тошноты, тут же сожженную яростью.

Шаги. Тяжёлые, размеренные, за дверью. Макс. Его голос, ровный и леденящий, доносился сквозь дерево – приказы по телефону, ни намек на боль, адреналин или... ту близость в подвальной тьме. Хелен судорожно вжала дневник в живот. Он не должен знать. Никогда.

Оттолкнувшись от двери, она шагнула к кровати; ноги подкашивались. Руки дрожали так сильно, что кожаный уголок дневника выскальзывал из пальцев. Она рухнула на край матраса, вдохнула запах пыли и чужого прошлого, и под светом уцелевшей лампы раскрыла дневник.

Запись 1: День первый в Нью-Йорке! И первый день моей “миссии”. Дядя Калвино такой забавный, когда пытается быть серьёзным. “Привяжи его к нам, Лиана. Сделай так, чтобы этот волк думал, что сам выбрал клетку”. Ха! Как будто Макс Ванцетти – тот, кого можно привязать ленточками... Он... грозный. И чертовски красивый. Как гора, высеченная из ночи. Глаза... Боже, эти глаза. В них столько боли и злости... Но когда он посмотрел на меня сегодня... не как на вещь, а как на личность... что-то щёлкнуло. Миссия усложняется. Ох, как усложняется!

Ревность, острая и нелепая, кольнула Хелен под ребра. “Грозный. Красивый.” Словно эхо её собственных мыслей. Она лихорадочно перевернула страницу, игнорируя пятно запекшейся крови на углу бумаги.

Запись 5: Он пригласил меня на ужин! Не потому что “так надо”! Мы говорили часами. О книгах (он читает! Никто не предупреждал!), о музыке... о звездах. Он рассказал... немного. О детстве. О боли. Голос тихий, как будто боится разбудить демонов... Дядя хотел, чтобы я привязала его? Что ж, миссия выполняется. Я влюбляюсь. Безнадёжно, глупо, опасно.

Страницы мелькали. Легкомыслие первых записей сменялось глубиной, потом тревогой. Лиана описывала Макса – не монстра, а человека с раненой душой за броней. Его смех. Его осторожные прикосновения. Его ярость в ее защиту. Его страх.

Запись 17: Он подарил мне кольцо. Не обручальное. Просто... красивое. Сапфир, как мои глаза. “Ты не вещь, Лиана. Ничья. Даже моя. Но если захочешь быть моей...” Я заставила его замолчать поцелуем... Дядя будет в бешенстве... Но план теперь только один – быть с ним. Всегда.

Запись 23: Случайно услышала разговор дяди с Лукой. “Чистка старого склада”. “Люди, которые знали слишком много”. Голос дяди... лезвие. Спросила Макса. Он нахмурился: “Не твои дела, солнышко. Доверься мне”. Но в его глазах была тень. Что они скрывают?

Запись 31: Нашла. Старые бухгалтерские книги в сейфе дяди. Сфотографировала. Это... чудовищно. Отмывание, оружие, наркотики... И “Проект Цербер”. Выплаты. “Ликвидация

активов”. Активы – это ЛЮДИ? Макс... причастен? Нет. Не верю. Надо узнать. Надо вытащить это из него!

Хелен лихорадочно листала. Вклеенный карман. В нем – маленькая черная флешка без опознавательных знаков и фотография.

Молодая, ослепительная девушка с темными кудрями и глазами цвета океана – Лиана. И Макс. Моложе, с лицом, еще не окаменевшим от боли. В его глазах – нежность, открытая радость. Он обнимал ее, а она смеялась. Счастье. Настоящее.

И шрам. На открытом плече Лианы, чуть ниже ключицы. Светлый, неровный. Странно знакомый изгиб... Хелен машинально провела пальцами по своему плечу, под тканью окровавленного платья, туда, где после детской аварии остался собственный шрам – ломаная линия от разбитого стекла. Не такой, но... общий контур. Словно отпечаток того же когтя судьбы. Ледяной холодок пробежал по спине.

Взгляд скользнул по комнате. Серые стены. Минимализм. Вид в окне... Размеры? Это была её комната. Лианы. Макс не просто привез ее в свою крепость. Он запер в святилище женщины, которую... любил? И потерял.

Последние записи. Почерк нервный, торопливый. Чернила – синие, чёрные.

Запись 42:Он знает. Дядя смотрит на меня как на предателя. Лука слишком часто “заходит”. Обыскали квартиру. Флешку перенесла сюда, в тайник. Макс уехал по делам дяди. Специально? Боже, я дура! Думала, мы сильнее. Думала, он выберет меня. Но он выбрал семью. Или страх?

Запись 43:Кофе горький. С привкусом... миндаля? Паранойя? Вылила. Сердце колотится. Стены сжимаются. Он вернулся. Макс. Холоден. Отстранён. Смотрел... как будто не видел. Или видел что-то другое. Что ОНИ ему сказали?! Отстранился. Как от прокажённой. В глазах... боль? Гнев?

Запись 44:Надо бежать. Сегодня. Пока Макс на встрече. Флешка при мне. Если успею... до Маркоса... Он честный. Поможет. Надо...

Запись оборвана. Кляксы. И последняя строчка, дрожащая, едва читаемая:Он здесь. Стучит в дверь. Это не Макс. Шаги... тяжелые. Знает код. О Боже, помоги...

Тишина. Пустые страницы. Хелен сидела оцепенев. Дневник выпал на колени. Флешка и фото – на одеяло. Воздух промёрз до костей. Она поняла всё.

Лиана. Племянница Дона. Приманка. Влюбилась. Стала копать. Нашла смерть. Не от Макса. От кого-то с “тяжёлыми шагами”. По приказу Дона? А Макс... Что знал Макс? Поверил ли в предательство? Был ли пешкой?

Теперь она, Хелен, в комнате Лианы. С её уликами. С её судьбой, нависшей над ней. Макс, назвавший её “своей”, был тем, кто не спас предыдущую “свою”. Дон уже намекал на “последнюю слабость”. И видел новую – в ней.

Действовать. Хелен схватила флешку. Крошечная, холодная. Смерть Дона... или её? Взгляд на дверь. Тишина. Но он рядом. Куда? Тайник Лианы раскрыт. Камеры. Увидели ли?

Старый ноутбук. Единственный шанс. Дрожащими, липкими от крови пальцами она вставила флешку. Экран мигнул. Запрос пароля.

Отчаяние. Она не написала! Имена? Даты? “Солнышко”? “Цербер”? Пальцы тыкали клавиши. НЕВЕРНЫЙ ПАРОЛЬ. НЕВЕРНЫЙ ПАРОЛЬ. Слезы горечи. Глупая надежда! Взгляд упал на фото. На их смех. На дату на обороте, выведенную рукой Лианы: 15052017. Последняя ставка. Она вбила цифры. 15052017.

Экран изменился. Папки: Счета_офшоры, Переписка_Лука, Проект_Цербер_отчеты, Фото_склад. И... Для_Макса.txt.

Сердце прыгнуло в горло. Мгновение паники. Она рванула дневник с колен и сунула его под подушку, глубоко, с края, прикрыв скомканным уголком одеяла. Рука потянулась к клавишам, к файлу “Для_Макса”...

Щелчок. Дверь распахнулась без предупреждения.

Макс. Свежая черная рубашка, но повязка на плече темнела. Лицо – маска. Но глаза... Они мгновенно нашли экран ноутбука. Прочитали “Проект_Цербер”. Увидели флешку в порту. Время остановилось. В его взгляде не было вопроса. Было абсолютное, леденящее понимание. И глубокая, медленно кипящая ярость, поднимающаяся из бездны.

Он шагнул в комнату. Дверь захлопнулась за ним с финальным щелчком. Тень от дверного косяка легла на его лицо, скрывая глаза, но не жёсткую линию сжатых губ.– Кажется, – его голос был тише падения пылинки, но каждое слово обжигало как раскалённое лезвие, – ты нашла нечто, что тебе не принадлежит, Хелен Картер.

Он не видел дневник. Его взор был прикован только к флешке и к ней. Но в этой фразе, в этой пугающей пустоте его глаз после первого шока, читалось больше, чем угроза. Читалась судьба Лианы, ставшая её собственным отражением в зеркале ада.

Золотая клетка рухнула, обнажив камеру смертника. И палач, закованный в лёд своей боли и ярости, уже стоял внутри.

Глава 6: Дневник Правды

Стеклянный пентхаус превратился в крепость после нападения. Разбитые окна забили бронированными щитами – немим напоминанием о пробитой уязвимости. Воздух пропитался запахом пыли от ремонта, химической чистки, вытравливающей кровь с мрамора, и вездесущим запахом страха. Страх, который теперь имел два лица: неизвестных врагов за стенами и Макса Ванцетти внутри.

В тот вечер Макс просто молча забрал флешку, не проронив ни слова. Но он и подумать не мог, что Хелен успела скопировать всё на маленькую SD-карту, вставленную в компьютер.

Она прятала дневник Лианы как гремучую змею, засунув его в пустую коробку от дорожных часов в глубине гардероба, за грудой ненавистных шелков и кашемира. Каждый шорох за дверью заставлял её сердце замирать. Он знал? Чувствовал ли он, что она коснулась его самой запретной раны? Его поведение оставалось ледяным, как всегда, но теперь в молчании читалась повышенная бдительность. Он реже уходил, чаще появлялся внезапно; его тёмные глаза сканировали её, комнату, экраны системы безопасности с неослабевающей интенсивностью хищника, ожидающего атаки.

Она рискнула открыть дневник лишь однажды, глубокой ночью, прижавшись к двери ванной, включив воду для шумового фона. Лиана писала живым, эмоциональным почерком, полным любви к жизни, искусству... и страха.

“...Дядя сегодня снова говорил с Максом о ‘чистке’. Его глаза были пустыми после. Я ненавижу это слово. Ненавижу этот мир. Макс говорит, что защищает меня, что создаст для нас другой мир. Но я вижу, как тень дяди поглощает его...” “...Узнала страшное. Дядя – он не просто босс. Он что-то сделал ужасное давно. Что-то, что держит всех на крючке. Тони знает. Макс не должен узнать! Дядя уничтожит его...” “...Чувствую слезку. Не полиция. Наши же. Дядя не верит, что Макс может быть ‘чистым’ рядом со мной. Боюсь за него. За нас. Любовь здесь – смертный приговор...”

Хелен захлопнула дневник; руки дрожали. Страх Лианы был осязаем. Страх перед собственным дядей. И предчувствие... Правда оказалась страшнее, чем она предполагала. Дон Беллуччи был монстром, пожирающим своих детей. А Макс... Макс был слепым орудием в его руках. И Дон знал об их любви. Значит, смерть Лианы не была случайностью. Это был расчёт. Хладнокровное устранение “слабости” и инструмента контроля над Максом.

Мысль о том, что Макс носил в себе эту слепую преданность убийце своей любви, вызывала в Хелен жгучую смесь жалости и ярости. Как он мог не видеть? Или не хотел видеть?

На четвёртый день после нападения в пентхаусе появился не Макс, а Призрак. Тони “Призрак” Марчелло, его тень и, возможно, единственный друг. Высокий, гибкий, с насмеш-

ливыми глазами, скрывающими стальную волю. Он принес коробку – длинную, из черного бархата.

– Босс передал, – сказал Тони, ставя коробку на стол перед Хелен. Его взгляд был оценивающим, но без враждебности. Скорее... любопытным. – Вечер у Дона. Важный. Ожидается... презентация. Вам нужно выглядеть соответственно статусу его проблемы.

Хелен открыла коробку. Внутри, на чёрной ткани, лежало платье. Не просто вечернее. Произведение искусства. Цвета тёмной крови, бархатное, с глубоким декольте, облегающее, с высоким разрезом до бедра. Рядом – тонкая платиновая цепь с каплевидным рубином, холодным и тяжёлым. Оковы из шелка и драгоценностей. Символ её положения: дорогая вещь, выставленная напоказ. – Статус проблемы? – повторила Хелен, сжимая край коробки. – Или приманки? Как в прошлый раз?

Тони усмехнулся, но в его глазах не было веселья. – У босса сложные чувства к приманкам, Картер. Особенно к тем, что кусаются. Одевайтесь. Он скоро придёт. И... – сделав паузу, он понизил голос, – будьте осторожнее с тем, что подбираете. Тени здесь длиннее, чем кажется. И у них хорошая память.

Он ушёл, оставив её с леденящим предупреждением и платьем-вызовом. Он знал. Или догадывался. “Призрак” видел больше, чем казалось.

Макс вошел, когда она застегивала цепь на шее. Он остановился в дверях, замер. Он был в безупречном смокинге, его рана скрыта под тканью, лицо – бесстрастная маска. Но его взгляд... Его взгляд медленно скользнул по ней, от каблуков до волос, собранных в строгий, но соблазнительный узел. В этом взгляде не было восхищения. Была оценка. Как оценивают оружие перед боем. И... что-то ещё. Тёмный, горячий отсвет, вспышка того самого подвального обладания, мгновенно погашенная льдом. – Красный – твой цвет, – произнёс он ровно. – Цвет крови. Цвет предупреждения. Идем. Дон не любит ждать.

Его пальцы сомкнулись вокруг её локтя. Не больно, но неотвратимо. Прикосновение обожгло сквозь бархат. Она попыталась вырваться инстинктивно. – Я могу идти сама. – Нет, – его ответ был простым и окончательным. – Не можешь. Ты идёшь со мной. Рядом. Как часть меня. Так безопаснее. Для тебя. – Он посмотрел ей в глаза. – И для них.

Он повёл её к лифту. Его рука сжимала локоть как стальные тиски. Его близость ощущалась электрическим полем. В лифте зеркальные стены отражали их: его – тёмного ангела смерти в смокинге, её – яркую, тревожную вспышку в красном бархате. Красивая картина с трещиной. Он не смотрел на её отражение. Он смотрел на дверь, его профиль был напряжён, как у волка, чующего капкан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.